

Просто я люблю петь

В дни недавних гастролей Большого театра в Лондоне газеты очень тепло отзывались о **Владимире МАТОРИНЕ**, выступившем в ролях царя Бориса в опере Мусоргского и Короля Треф в «Любви к трем апельсинам» Прокофьева. Отмечали равноценность трагедийного и комедийного начала в его актерской пороховнице (у Маторина и в жизни после двух серьезных фраз следует шутка). Хвалили его сильный, красивый бас, могучую, царственную внешность (хотя исторический царь Борис был, между прочим, малого роста). Не писали лишь о том, что оба спектакля... могли не состояться.

— Все же почему в британском консульстве тянули с визой для вас?

— В понедельник мне выступить, а до конца пятницы визы все нет (в субботу и воскресенье консульство не работает). Лично я думал, что постарался компьютер.

— До Большого вы пели в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — тоже первоклассный театр. И положение у вас там было первостатейное. Но Большой все-таки манил?

— О Большом услышал раньше, чем о других театрах. Естественно, он манил. А в Театре Станиславского и Немировича-Данченко я проработал семнадцать лет: так долго иногда и не поют... Меня даже избрали там секретарем партийной организации. Но Большой — как бы награда для артиста, хотя некоторые туда прямо из Консерватории попадают. Для меня же это было везением: быть приглашенным за труды — уже оценка, лично я не знаю певцов, отказавшихся от Большого. Тем более что периодически я там пел уже давно: еще Евгений Федорович Светланов пригласил меня в свой спектакль «Сказание о граде Китеже». Участвовал я и в «Иоланте», и в «Севильском», и в концертах, и всякий раз мне говорили: «Берем». А взяли только в 90-м году. Однажды, когда мне в очередной раз предложили спеть в «Китеже», я сказал: «Тогда вы мне заплатили за спектакль 38 рублей 50 копеек, а я потратил своих четыреста рублей на билеты родственникам и знакомым. Так что, будьте любезны, напишите в афише: «Дурила поет за 38 рублей», а то, что я — народный и тому подобное, не надо, не пишите, это единственное мое условие». Ну, естественно, посме-

ялись, я вышел на сцену, а в антракте тогдашний оперный начальник говорит: «У тебя голос дальше оркестровой ямы не летит». Я психанул: «Ты можешь сказать, что я пузатый, что у меня татарские глаза, но что голос не летит?! Да что ты можешь мне предложить? Квартиру в Москве? Есть у меня квартира. Звание? Есть звание. И по загранкам я не бегал. А потому пошел ты...» И иду к двери, ожидая услышать: «Чтоб ноги твоей здесь больше не было». А слышу: «Володя, не кипятись. Берем тебя». Правда, взяли в мае, а первую партию я спел только в октябре. Чуть чувствовал...

— Сейчас вы поете в Большом весь басовый репертуар, в труппе вы давно свой. А какие у вас отношения с дирекцией?

— А какие могут быть у артиста отношения с дирекцией? У них своя работа, у меня своя. Рассказывают, что великий пересмешник Иван Семенович Козловский, распеваясь, брал на высоких нотах: «Ля, ля, ля, я люблю дирекцию, ля, ля, ля, я люблю ди-рек-цию». Я учусь у Ивана Семеновича: относиться к таким проблемам с юмором, мне нечего делить с дирекцией, она меня не трогает, я не трогаю ее. А вообще-то я человек нелегкий, и выдержка им, слава богу, не изменяет.

— А как вы относитесь к контрактной системе, о которой было столько споров? У вас, кстати, с театром контракт?

— Конечно. И я хорошо к этому отношусь. Помимо всего прочего, контракт здорово дисциплинирует. Я знаю: где бы я ни был, но такого-то числа я пою в Большом в таком-то спектакле. И если я честный человек, то пусть хоть земля разверзнется, но я должен быть в этот

день в Москве. Так же я отношусь к международным контрактам. У них, кстати, тексты бывают намного строже наших. Есть такие театры, что требуют, даже если у тебя нет спектакля, никуда не выезжать из города. Это, как ты понимаешь, очень неудобно, но условие есть условие. Однажды я столкнулся с почти неразрешимой ситуацией. Готовился вечер памяти Шаяпина, и в Большом на сей раз решили давать «Бориса». А я в это время пою по контракту в Швейцарии. Как быть? Импресарио ни в какую. Я две ночи не сплю и принимаю решение: заплачу неустойку, но поеду. Они чувствуют мое настроение и говорят: ладно, о'кей.

— А здесь вам кто-нибудь спасибо сказал?

— Но я же не за этим ехал. Я никогда не жду награды.

— Вы как-то сказали, что время от времени пересматриваете своих персонажей. А чаще

приходится слышать о долгих поисках единственно точного образа...

— Здесь нет противоречия. Сравнительно недавно я вновь вошел в «Моцарта и Сальери». Впервые я спел Сальери еще в 1974 году. Сегодня и я другой, и Сальери для зрителя уже не тот: мало кто верит, что Моцарт пил то, что Сальери ему наливал... Словом, предстоит петь Сальери, я намыливаю свою родную бороду, и вдруг мне говорят, что сегодня пою не я. Ладно, жду очереди, но подходит время Бориса, а Бориса я пою в своей бороде, так она смотрится убедительнее, натуральнее; то, что в ней белое, я крашу в черное, а то, что черное — в белое. Борода становится живой, усы — тоже, я не люблю накладные усы, они у меня отклеиваются. Кстати, из восьми моих основных сегодняшних партий только одна без бороды — Базилио в «Севильском».

— Каждый раз сбиваете?

— Да нет, заклеиваю. Так вот, теперь мне не нравится представлять Сальери отравителем. Как учил нас Станиславский, я стараюсь видеть в злом доброе. Художник разрешил мне, чтобы мой Сальери сидел в кресле в халате. Сначала он наливает обом. Выпили. Наливает по второй. И когда Моцарт выпивает яд, Сальери в ужасе, но ничего уже сделать не может. Да, он задумывает этому баловню судьбы, хулигану, выпивохе, но он не хотел его смерти, он просто не успел предотвратить ее.

— А как вы теперь видите Сусанина?

— Он вовсе не шел умирать. Поначалу его задача была всего лишь в том, чтобы мотать врагов по лесам, которые в ту пору тянулись от Костромы до самого Архангельска. Однако логика противостояния преобразует простой тактический ход в подвиг, поднимая бытовую ситуа-

цию до высокой трагедии. И тогда уже ясно проглядываются и история царя Бориса, и судьба митрополита Иова, неописуемого красавца, великого певца, знавшего все молитвы наизусть, и русский независимый характер. Сусанин растет в своих собственных глазах и, понимая, что гибель близка, требует за себя полноценный выкуп.

— А кто ваш любимейший персонаж?

— Все.

— Однако после лондонских гастролей вы как бы утвердились в должности несравненного на сегодня Бориса Годунова.

— Несравненность всегда относительна. Но для меня самого имеет значение, пожалуй, то, что мне посчастливилось петь Бориса на замечательных сценах: в Петербурге, Палермо, Чикаго, Женеве, Хьюстоне — всего в восьми городах мира. А в Лондоне, кстати, мы боялись предвзятости, спектакль ведь поставлен еще при Сталине, а вот приняли же его господа англичане.

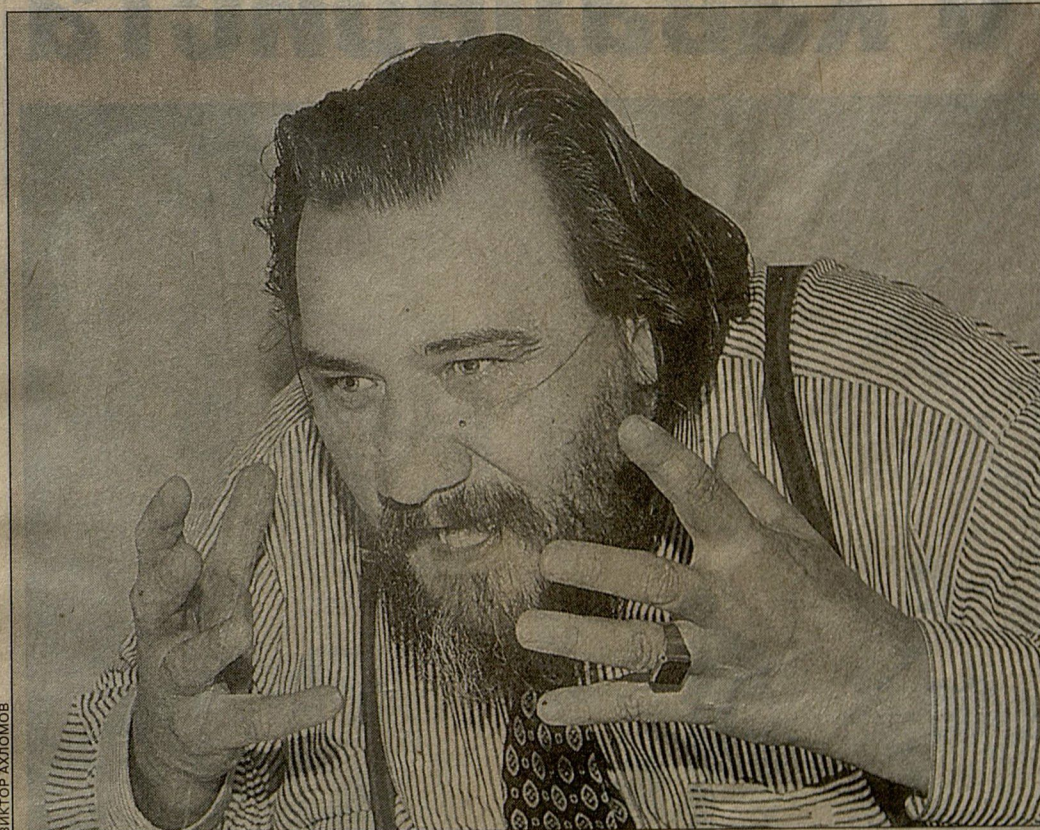
— В последние годы вы поете много духовной музыки. Известно, что патриарх Московский и всея Руси Алексий II как-то пошутил, что православная церковь в свое время отдала Большому театру протоиерея Ивана Михайлова, а теперь от Большого ждет Маторина...

— Конечно, Его Святейшество не имел в виду натуральный обмен, но его слова дошли до моей души, и я стараюсь как могу, чтобы духовная музыка, особенно русская, звучала у нас так, как она того заслуживает и в профессионально-музыкальном отношении, и как высокая культурная ценность.

— Вы заведете кафедрой вокала в театральной академии. Как говорят в Одессе, оно вам нужно при такой нагрузке?

— Необходимо. Общение с молодежью для меня, перешагнувшего полвека, как глоток свежего воздуха после долгого погружения в набивавшую волну. К тому же я очень люблю петь — пою на репетициях, на спектакле, со студентами в классе, это особое ощущение...

Георгий МЕЛИКЯНЦ

ВИКТОР АХЛЮМОВ